

ПОЛУСОЛНЦЕ

КРИСТИНА РОБЕР

Young
Adult

МИОО

Кристина Робер
Полусолнце
Серия «Red Violet. Магия Азии»
Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67744421

Полусолнце / Кристина Робер: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2022

ISBN 9785001953999

Аннотация

Российское Young Adult фэнтези с флёрком японской мифологии.

Япония. Эпоха враждующих провинций.

Рэйкен. Наполовину смертная, наполовину кицунэ. Странница, способная проникать в мир мертвых и мечтающая отыскать там свою семью.

Шиноту. Молодой господин, владелец рисовых полей, в жизни которого нет места магии и демонам. До тех пор, пока он не встречает Рэйкен.

Хэджам. Чистокровный демон, воспитавший Странницу. Он пойдет на все, чтобы найти и вернуть Рэйкен. Но захочет ли она возвращаться?

Каждый из них преследует собственную цель. Каждый скрывает свою тайну. И только мертвым известно, кто из них сумеет дойти до конца.

Для кого эта книга

- Для поклонников исторических дорам, аниме «Принцесса Мононоке», «5 сантиметров в секунду», «За облаками», фильмов «Мемуары Гейши» и «47 ронинов».
- Для тех, кто увлекается культурой и мифологией Японии.
- Для читателей фэнтези «Алая зима» Аннетт Мари, «Лисья тень» Джули Кагавы, «Опиумная война» Ребекки Куанг.

Содержание

Плей-лист	7
Пролог	10
Часть I. Странница	16
Глава 1. Пленница	16
Глава 2. Мертвые мико	41
Глава 3. Преследователь	66
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Кристина Робер

Полусолнце

Плей-лист

The Sound of Silence – Pentatonix
The World we made – Ruelle
Going down fighting – Phlotilla
Rakuen – Do as Infinity
Better than this – Paloma Faith
Спой – Миша Марвин (feat. Мот)
Mother – Ina Wroldsen
Minefields – John Legend, Faouzia
Riverside – Agnes Obel
У меня немаэ дому – Один в каное
Shine a light – AG feat. Connie Lim
Born alone die alone – Madalen Duke
Shinjitsu no Uta – Do as infinity
Time to give – White lies

<https://disk.yandex.ru/d/dQzBqjJnd0aeAg>

[https://music.yandex.ru/users/chr-p.neganova/
playlists/1001?utm_medium=copy_link](https://music.yandex.ru/users/chr-p.neganova/playlists/1001?utm_medium=copy_link)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

© Кристина Робер, текст, 2022

* * *

Мам, это тебе

*Когда день клонится к закату и я вижу на небе
лишь половину солнца, мне хочется верить, что
там, по ту сторону мира, другая половина светит
тебе*

Пролог

Я хотел сжечь это место к чертям собачьим, но, оказывается, никакая ненависть к богам не дает мне такого права.

Это я понял сразу, заметив спешащего ко мне священника. Он даже рта не успел раскрыть, но по виду его раздувающихся ноздрей стало ясно, что факел придется потушить.

Досадно на самом деле. И ужасно несправедливо. Я всего лишь хотел поставить эффектную точку в посещениях святилища этой злобной стервы Инари¹. Ладно-ладно, может, и не злобной. Но когда могущественная женщина, какой-то своей конечностью причастная к моему существованию, за пять лет ни разу не ответила на мои вежливые вопросы (крики, вопли, ругательства – я очень старался, даже пару раз сорвал голос!), логично, что у меня вырос зуб на нее.

И я бы, наверное, смог объяснить всю глубину несправедливости этому бедному священнику, но, посмотрев в его выпученные глаза, плюнул да бросил факел. Старичок с облегчением отер пот со лба и укоризненно цокнул языком. Я лишь пожал плечами – обычное дело! – и устало опустился на землю. Хотел было трубку раскурить, но передумал: в своих мечтах я курил исключительно с видом на стены и

¹ В синтоизме богиня плодородия, покровительница земледельцев и рисовых полей. *Здесь и далее – примечания автора.*

тории², объятые рыжим огнем.

Таким же рыжим, как лживые глазища Рэйкен.

Я глубоко вздохнул.

Мой друг Ючи говорил, что я оправлюсь от потери сразу же, как только приму, что моя любовь к этой женщине была вовсе не любовью, а губительной одержимостью, которую она же мне и внушила. Чувства, которым я сопротивлялся, которые буквально сжигали меня изнутри, – оказываются, на самом деле их не существовало... Вот так просто. Наверное, я и вправду баран или глупый хого³, как окрестила меня моя ненаглядная лгунья, потому что за пять лет так и не принял этой правды. Признать, что меня водили вокруг пальца? Нет уж! Лучше сдохнуть от неразделенной любви, пусть даже несуществующей.

Баран. Сомнений нет.

Прищурившись, я уставился на бедного священника, кружащего у главной лестницы храма в жалких попытках казаться занятым делом. Я беспощадно сверлил его взглядом, пока он не сдался и не посмотрел на меня в ответ.

– Вы помните ее? Помните, как я пришел за ней?

Священник нахмурился. Хотел притвориться, что безуспешно роется в памяти, но я сердито поджал губы и замотал головой:

– Нет. Даже не думайте прикидываться. Я-то вас помню.

² П-образные ворота без створок в синтоистском святилище.

³ Защитник.

Так уж вышло, что с некоторых пор память у меня слишком хорошая.

Священник обреченно вздохнул и засеменил в мою сторону. Немного постояв рядом и не дождавшись никакой реакции, он сел возле меня на землю и уставился на храм.

– Помню, господин.

– Вот скажи, зачем вы отдали ее мне? Неужели ради денег?

Он посмотрел на меня как на самую пропащую душу, и столько в его взгляде было жалости, что я впервые за много лет стал сам себе по-настоящему противен. Заерзав на месте, я почесал подбородок. Весь в жесткой щетине. Надо бы побриться, в конце концов.

– Прежний служитель святилища, достопочтенный Ису-маки Камамото, питал слабость к отвергнутым. Он был уверен, что сама богиня Инари послала вас.

Я презрительно фыркнул, борясь с желанием выложить бедолаге правду, но побоялся, что его вера не выдержит такого испытания.

– У вашей несравненной богини своеобразное чувство юмора, – прошипел я.

– У богини безграничное сердце, способное сострадать всем своим созданиям. Даже... – Священник стыдливо потупил взгляд, – самым недостойным из них.

Каков черт.

Недостойным!

Сам ты... Постоите... Это он обо мне или о Рэйкен?

Я был готов разразиться язвительной тирадой, но в последний момент прикусил язык. Когда я успел стать таким циничным? Проведя почти всю жизнь в тоске по утраченной семье, подавляя в себе чувство несправедливости от того, что взвалил на меня умерший брат, я никогда не позволял себе озлобиться. Но потеря Рэйкен превратила меня в существо, отвергающее все живое и прекрасное. В последние дни, проведенные с ней, я с ужасом представлял, как вернусь в поместье Сугаши одиноким, без племянников, о которых заботился всю сознательную жизнь, без друга, который хоть и нагло использовал мое доверие, но все же был рядом в самые тяжелые минуты. Я думал, что все преодолею, лишь бы близкие были со мной. Но сейчас, спустя пять лет, намеренно затворялся от всех. В гордом одиночестве ел себя изнутри большими ложками и даже не давился.

Так много произошло в те злосчастные десять дней. Слушавшееся могло изменить меня, но именно ее потеря убила во мне прежнего Шиноту Сугаши – упрямого юнца, прячущего спутанные лохмы под косынкой, в душе – крестьянина, на деле – господина, наследника рисовых полей и опекуна очаровательных близнецов, ненавидевшего все сверхъестественное.

Я поднялся на ноги и медленно побрел к святилищу. Остановившись у подножия лестницы, засунул руки в карманы и зашептал со всей мольбой, на которую только был

способен:

– Злобная ли ты гадина или богиня с безграничным сердцем – мне плевать. Но прошу тебя в последний раз! Найди ее, в каком бы из загробных миров ни обитала ее душа, и дай мне с ней поговорить. Один раз! Я должен убедиться, что успел. Я должен знать, как она умерла. Если сделаешь это, обещаю... зараза... хорошо, обещаю: я перестану скрываться от вас.

Пестрые стены храма оставались безмолвными. Каменные статуи кицунэ⁴ равнодушно взирали своими мертвыми глазами. Ни шороха. Ни ветерка. Наверное, если бы Инари действительно слышала меня, она бы соизволила подать знак. В прошлый раз ведь пришла.

– Дрянь глухая, – буркнул я, забыв о смирении.

Священник по-прежнему сидел на земле и молча смотрел перед собой. И я вдруг понял, что это конец. Ни мое упрямство, ни моя злость – ничто ее не вернет. Я исчерпал все варианты и теперь должен смириться с тем, что сделал. Спаситель я или убийца – кто знает. Но мне придется выбрать версию, с которой получится жить свою новую бесконечную жизнь.

Я побрел к главным ториям с твердым намерением завершить свое унижительное паломничество в этот храм, как вдруг замер. Между деревьями что-то мелькнуло. Не почудилось ли мне? Я всмотрелся... Ее глаза! Это были ее глаза!

⁴ Лисы-оборотни, посланники богини Инари.

Сердце сделало кувырок и остановилось. Я бросился вперед, но не успел добежать даже до ворот, когда заметил маленькую белую лису, со всех лап удиравшую в глубь леса.

Я онемел. Могла ли Инари так издеваться надо мной? Неужели это был настоящий кицунэ? Она отправила свою шавку следить за мной? Не может быть...

А что, если...

Нет, невозможно! Рэйкен не была кицунэ. Разве что и в этом она мне лгала.

Часть I. Страница

Глава 1. Пленница

Япония, начало XVII века

Шин

С тех пор как старый служитель храма Инари, Исумаки

Камамото, закрыл у нас над головой двери в подzemелье, я потерял счет времени. Проход был узким, и, задевая плечами земляные стены, я едва сдерживался, чтобы не браниться при своем спутнике. Я злился на себя за то, что не послушал Коджи и пренебрег доспехами, злился на него за то, что в кои-то веки племянник решил не настаивать.

– Откуда здесь этот тоннель? – Я оступился и, с трудом удержав равновесие, тихо зашипел.

Священник отвел морщинистую руку с факелом в сторону и скосил на меня взгляд:

– До леса Пойманных Душ день пути, господин. И это для немощного старика. А демону раз плюнуть добраться сюда. Если бы мы не укрылись, то не шли бы сейчас здесь с вами. Сами сделали, кто ж еще. Когда жить захочешь, и не такое сотворишь.

– Что еще за лес Пойманных Душ? – прокряхтел я: тоннель внезапно стал еще *уже* и мне пришлось сгорбиться, прижать руки к груди и втянуть шею в плечи.

– Да как же! – в голосе священника сквозило недоумение. – Вы, Шиноту-сама, из *такого* рода и не знаете?

– Из какого такого?

– Какой вы скрытный, – хмыкнул священник. Он опустил факел, и пламя осветило бурую землю, размытую водой. Видимо, здесь были какие-то источники. – Вы хоть и носите эти платки на голове, да разве я не знаю, что под ними?

Ах ты старый жук! Я стиснул пальцы в кулаки, а надо бы

стиснуть их на морщинистой шее... Отродясь не встречал я ни демонов, ни прочей нечисти и стал уже забывать, что в мире еще остались такие вот древние священники, повидавшие не только темные стороны войны⁵, но и тех, кому вообще не положено показываться среди смертных.

Я уже искал пути отступления, прикидывая, как свести тему на нет, но священник замолчал. То ли был таким деликатным, то ли мы приближались к цели. Видимо, все же второе, потому что внезапно мне удалось выпрямиться и вдохнуть полной грудью: затхлый воздух, наполнявший тоннель, улетучился и повеяло прохладой.

Коридор изогнулся, и мы оказались в просторной пещере. Там я невольно зажмурился и даже закрыл глаза рукой – так сильно меня ослепило.

– Другого выбора нет: ей во тьму нельзя, – донесся бесстрастный голос священника.

Я заморгал и, когда глаза привыкли, увидел перед собой металлические прутья, идущие прямо из каменного потолка и уходящие в стальное основание.

– Пришлось укрепить, – пояснил священник, поймав мой удивленный взгляд. – Мы тогда не знали, насколько она сильная. Сейчас, конечно, опасности нет, совсем высохшила... Да вы смотрите, смотрите. А то зачем пришли тогда.

И я подошел к клетке. Свет лился прямо с потолка – при-

⁵ Период Сэнгоку в Японии (вторая половина XV – начало XVIII века) – «эпоха воюющих провинций».

торно-желтый, очень яркий, – ярче полуденного солнца. И в этом свете растворялись все детали.

– Там наверху офуда⁶. – Священник указал на потолок. Но мое внимание было обращено к ней.

На первый взгляд бесформенная грудa в ветхих синих одеждах. Ноги скрестила, выставив иссушенные старостью грязные пальцы. Голову склонила низко, укpыв себя длинными спутанными волосами – такими пыльными, что даже цвета не разобрать. А ладонями уперлась в колени, как будто пыталась подняться, да сил не хватало.

Меня пробрало отвращение, смешанное со страхом. Никогда прежде я не видел демонов.

– Это она? А говорили, что Странница – красавица неопиcуемая, оттого и опасная такая. Но это... – я не находил слов, – рухлядь какая-то.

– Шиноту-сама, так двадцать лет прошло. Закрыли мы ее красавицей, но старость свое взяла.

– Старость, – повторил я, пробуя это слово на вкус. Схватившись за прутья, я продолжал наблюдать за фигурой в клетке. Она сидела неподвижно, словно и не дышала вовсе. – Разве демоны стареют?

– Стареют, если лишить их источника силы. – Священник пожал плечами.

– Ее источник – темнота?

– Да. Офуда я вам дам – используйте ночью.

⁶ Разновидность талисмана или амулета.

– А ее сила может вернуться?

– Кто знает... Ну что, забираете?

Впервые за два года поисков я замешкался. Не осталось на свете человека, который ненавидел бы демонов больше, чем я. Мое сердце переполнялось такой лютой злобой при одном лишь упоминании о них, что самому становилось страшно. Да только кто мне еще поможет... Кто еще проведет меня на ту сторону?

Я сверлил взглядом ее пальцы, как будто ждал, что ответ появится на бледных высохших костяшках, и вдруг она подняла голову и уставилась на меня жуткими, по-лисьи изогнутыми глазами – такими черными, как будто в них и был сокрыт проход, который я так долго искал.

– Рэйкен ее зовут, – словно издалека донесся голос священника.

– Демон она, и всё тут, – выдохнул я.

Старуха опалила меня темнотой своих глаз, а потом внезапно – едва уловимо – покачала головой. Бледные губы изогнулись в жуткой презрительной усмешке.

Третий день мы идем с нашим грузом, выискивая безопас-

ный путь в поместье Сугаши. Можно было бы пройти через деревни и выиграть сутки, но если жители увидят нас в компании демона – сразу убьют. Даже несмотря на мой рассеянный шрамом глаз и блестящий колчан за спиной.

Меня зовут Шиноту Сугаши, и я самый глупый человек на свете. Мне посчастливилось расти в золотое время, ходить по земле, очистившейся от крови минувших войн, дышать воздухом, свободным от злобы и мести. Мне суждено было жить бок о бок с другими людьми, не страшась быть обманутым демонами, не боясь за чистоту душ своих родных.

И вот я иду, и мою спину прожигает темный взгляд мерзкого отродья.

Рэйкен. Я не хотел помнить ее имени, но слова священника не шли у меня из памяти. Я вспомнил их, когда вместе с моим племянником Коджи переместил старуху в клетку, установленную на повозке, а слугитель святилища Инари закрепил на прутьях защитные офуда и на прощание благословил нас молитвой.

Рэйкен ее зовут.

Голос его надломился, и я уловил странные нотки... горечи? Что это могло значить? Священник не хотел отпускать ее? Но я же избавил его святыню от демона, да еще и денег оставил в придачу столько, что им на век вперед хватит – и храм содержать, и сироткам помогать.

Рэйкен.

Имя-то какое. Резкое, хищное, хитрое. Мне захотелось

произнести его вслух, чтобы убедиться: эти шесть букв звучат как проклятье. Рэй-кен.

Коджи стал уговаривать нас сделать привал, и я нехотя кивнул. Пока мои спутники разбивали лагерь, я невольно скосил взгляд на повозку. Старуха сидела в той же позе, что и в подземелье, и все так же смотрела вниз. Ее новая клетка была в разы меньше. Мы купили ее в одной из деревень по пути в храм Инари. Я хотел укрепить ее металлом, ввинтить в пол цепи и разместить крепление для головы. Кто знает, с какой силой нам предстояло столкнуться. Но, узнав о моих намерениях, Коджи от смеха упал на колени и тряся еще долго – я даже трубку успел раскурить.

– Дядя, ты, конечно, меня удивляешь. Она двадцать лет взаперти провела. Смотри, скоро в пыль рассыплется. Но чтобы тебе было спокойно, я попрошу священника скрепить клетку заклатьем.

Я хмуро оглядел это самое «заклатье»: полосы пергамента с черными иероглифами. Коджи, конечно, верил в могучую силу служителей, верил, что эти каракули сдержат демона. Но я-то боялся. И ненавидал себя за это.

Я взглянул на своего друга Кацу: тот одобрительно кивнул, и его ухмылка утонула в жесткой бороде.

Местом для привала мои спутники выбрали клочок земли на берегу тонкой речушки, протекавшей через пшеничное поле. Солнце стояло высоко и светило жарко. Я весь взмок. Пришлось снять колчан и лук и освободиться от доспехов, которые я все-таки надел сразу, как только вышел из святилища. Закатав рукава короткого кимоно, я опустился на колени, щедро зачерпнул воды в ладони и умылся. Горячий ветер в мгновение высушил кожу.

Кацу снял черное хаори⁷, омыл шею и руки, а Коджи подвел кобылу к реке и дал напиться.

Изнемогая от жары, я снова взглянул на старуху в клетке и невольно подумал, каково ей было столько лет... Но чувствуют ли демоны? Холод, жару, жажду, боль...

Словно прочитав мои мысли, Коджи подошел к повозке и просунул между прутьями чашу с водой.

– Пей, – властно сказал он.

Я улыбнулся. Мой Коджи не был кугэ⁸, не вращался в знатных кругах, но его голос и манеры с детства были полны императорского достоинства. Такой же была и его сестра

⁷ Жакет прямого покроя без пуговиц, надеваемый поверх кимоно.

⁸ Аристократ.

Мидори.

Демон никак не отреагировал на великодушный жест. Тогда Коджи поднял с земли палку и подтолкнул чашу к старухе:

– Пей.

Мы с Кацу с любопытством наблюдали за этой картиной. Коджи скрестил руки на груди, расправил плечи и требовательно уставился на пленницу. И – вот чудо – ее одеревеневшие конечности зашевелились, пальцы с длинными когтями задвигались. Она протянула руку к чаше и попыталась за нее ухватиться, но морщинистые руки тряслись так сильно, что ничего не вышло: чаша опрокинулась и вода растеклась по полу клетки.

Кацу усмехнулся, но Коджи нахмурился. Старуха опустила ладонь в лужицу, промокнула пальцы, а потом поднесла их к губам и облизала.

– Ей надо пить. И есть, – сказал племянник. – Как будем ее кормить? Эй, чем ты питаешься?

Ответа не последовало. Кряхтя, демон приняла свою обычную позу, только голову склонила еще ниже.

– Оставь, – буркнул я, зачерпнув воды из реки. – Будет есть то же, что и мы. Перекусим и двинемся дальше.

– Куда, Шиноту? – подал голос Кацу.

Он небрежно накинул хаори на голые плечи и уставился на меня с деланным равнодушием. Но я хорошо знал своего друга.

– С юга не обойти – селения, с другой стороны – болота. Может, прямо? – Он указал рукой вдаль – туда, где виднелись темные пятна деревьев.

И в этот момент случилось неожиданное. Старуха зашевелилась, упала на колени, медленно подползла к прутьям и ухватилась за них, выставив угловатую морду. Мы с Коджи одновременно схватились за оружие, но быстро сообразили, что опасности нет: уткнувшись впалыми щеками в решетку, она просто смотрела вперед.

– Это лес Пойманных Душ, – тихо сказал Коджи, убирая меч в ножны.

– Ну и что. Демонов там давно никто не видел, а нам надо пройти, – хмыкнул Кацу.

– Там очень темно, – возразил я, выуживая из походного мешка смятую карту. Разложив ее на земле, я ткнул в точку на юге от огромного леса. – Это разве не твое родное селение? От него ведь ничего не осталось?

Кацу хмуро кивнул.

– Значит, людей там нет. Мы можем спокойно обогнуть лес и двинуться в его сторону. На пути к поместью еще четыре деревни, – я по очереди ткнул пальцем. – Жилые они или нет – неважно, мы можем идти ночью.

– Минимум двое суток на то, чтобы обогнуть лес, и еще четыре дня и четыре ночи, чтобы пройти деревни? Глупости, Шиноту! Пройдем через лес за два дня и еще через день будем дома.

Я сложил карту, убрал ее обратно в мешок и выпрямился.

— Кацу, если что-то случится в этом лесу и мы ее потеряем, я себе никогда не прощу. Это последний шанс найти Мидори.

Какое-то время мы с Кацу испытующе смотрели друг на друга. Потом он коротко кивнул. За спиной у меня Коджи облегченно вздохнул. Я обернулся: вслед за старухой он устоялся вдаль. В его глазах заискрилось любопытство.

— Что, демон, к своим хочешь? — усмехнулся я, подходя поближе. — Небось чувствуешь их.

Старуха повернула голову ко мне и беззвучно зашевелила губами.

— Что ты там лопочешь?

— И... ид...

— Что?

— И... ди... от.

— И-ди-от? — Коджи несколько минут удивленно смотрел на меня, а потом разразился заливистым смехом. Кацу подхватил.

Старуха сверкнула черными глазами, дернув уголками губ, и снова повернулась к лесу. Я вдруг почувствовал такую злость, что, подбежав вплотную к клетке, хотел, просунув руки, схватить ее за плечи и хорошенько встряхнуть, а то и вовсе оторвать голову, потому что впервые в своей жизни я видел демона и хотел убедиться, что простому смертному по силам побороть его... Но ничего этого сделать я не

успел: стоило мне приблизиться, как демон резко вскинула руку и сдернула зеленый платок, которым я обматывал голову. Мои волосы, закрученные в десятки каштановых локи, тяжело рассыпались по плечам. Старуха зарычала, распахнув глаза, бросила платок в мою сторону и отползла в глубь клетки.

– Хого, – шепнула она.

Хого. Защитник. Мой род, род Сугаши, в прежние века защищал людей от демонов. Мы не были первоклассными воинами, да и в битвах почти не участвовали. Исключительным в нас было то, что наша аура способна была укрывать людей от демонического чутья.

Но как именно – увы, этого я не знаю.

Мой брат исчез, так и не посвятив меня в тайны происхождения Сугаши. Я знал лишь, что мало кто из демонов видел нас и мало кто из людей помнил о нас и мог описать своего спасителя. На протяжении веков мои предки держались в тени, каким-то неведомым образом защищая смертных от зла. И еще наши волосы... Мы рождались с локи, которые невозможно было расплести или распутать.

После смерти брата я пытался изучить историю рода Су-гаши, но мало преуспел в этом. Выжившие на войне никогда не слышали о хого, да и мало кто хотел вспоминать те времена. Записей не сохранилось, и я убеждался в словах брата. За несколько дней до своего исчезновения он сказал мне:

«Хого – это не та история, которую нужно записывать. Хого – это твое сердце. Ты – самая большая тайна и возможность однажды даровать людям шанс на мирную жизнь. Когда придет время, ты найдешь в себе это».

Значит, я был тайной. Но эта старуха, как и священник, сразу поняла, кто я такой. И, кажется, она испугалась. Только не колчана с блестящими наточенными стрелами и не прочных прутьев новой клетки, а моих волос.

Мы решили обойти лес Пойманных Душ с восточной стороны и, казалось, правильно рассчитали расстояние. Но не планируя даже приближаться к нему, каким-то непостижимым образом к закату очутились у его подножия. Не сговариваясь, мы остановились и нерешительно уставились на таинственную, вытянувшуюся до небес стену мощных стволов, увенчанных густыми кронами.

Коджи оглянулся на поле, а потом обратился ко мне озадаченный взгляд:

– Чувствуешь?

Я молча кивнул. Из леса веяло мертвым холодом. Воздух стал колючим, и в душе вдруг разлилась такая тоска, что мне захотелось вернуться на жаркое поле, снова умыться речной водой и навсегда забыть о демоне в клетке. На миг я представил сакуру – единственное дерево, росшее вблизи поместья Сугаши, и вымощенную желтым камнем дорожку, по которой любила гулять Мидори. Вспомнил, как ходил за ней и пытался шутить, но получалось глупо. Каждый раз она звонко смеялась, подбегая ко мне, и гладила по щеке, а ее кристально чистые голубые глаза игриво сияли.

– Мидори, – прошептал я, и реальность в одночасье обрушилась на меня.

Ее больше нет.

– Не знаю, как вы, а я не хочу идти вдоль этого леса ночью, – заявил Кацу.

– Ты же рвался напролом!

– Передумал, – отрезал он, нервно потирая шею. Мой друг казался напуганным. – Давайте заночуем здесь, по очереди будем дежурить.

Перспектива ночевать возле леса пугала меня еще больше, чем дорога в темноте вдоль него, но нам нужно было поспать. Мы отошли в сторону на несколько десятков метров и разбили лагерь: разложили одеяла, Коджи развел костер и

нагрел воду в походном котелке.

Стоило солнцу скрыться за горизонтом, как нас обдало ледяным ветром. Мы согревались горячим чаем, хотя я знал, что у Кацу припрятана бутылка саке и алкоголь сейчас подошел бы больше. Но ночуя с демоном, да еще и вблизи этого жуткого места, стоило сохранять трезвость рассудка.

Покончив со своей порцией, Кацу наполнил миску остатками риса, бросил сверху разогретую булку и подошел к старухе, по-прежнему неподвижно сидящей в позе лотоса. Он что-то тихо сказал ей.

– Интересно, что они... – начал было Коджи, поднимаясь, но я удержал его:

– Не нужно.

Племянник разочарованно вздохнул, но подчинился. Он устоял на лес. В ярких голубых глазах Коджи отражались языки пламени. Он вглядывался в неизвестность, таящуюся между стволами деревьев. Я нахмурился. Мы никогда не обсуждали это, но я знал, что Коджи помешан на демонах. Его влекло к тайным знаниям с самого детства. Каждый раз, когда он слышал о предмете своей одержимости, утонченные черты его лица преображались, вспыхивали и на щеках выступал румянец. Меня это пугало.

Я не мог в полной мере довериться Коджи, так как опасался, что из любопытства он пренебрежет осторожностью и подвергнет опасности всех нас. И я бы никогда не взял его с собой, если бы не одно но: Мидори была его сестрой. Не про-

сто сестрой, а близнецом, и Коджи отчаянно хотел узнать, почему ее забрали у нас.

Кацу вернулся спустя несколько минут. Старуха осталась неподвижна.

– Хотел покормить, – бесцветно сообщил друг, выуживая из-за пазухи темно-желтую косынку из змеиной кожи. – Ну а что: сама она не ест, а я боюсь, что такими темпами мы привезем в поместье труп.

Он повязал косынку на голову и поправил ножны с двумя кинжалами:

– Ложитесь спать, я дежурю первым. Через пару часов разбужу тебя, Шин.

В затылке странно кольнуло. Я ощутил необъяснимое предчувствие.

– Слушай, друг, – тихо сказал я, укладываясь на походное одеяло, – а ты раньше слышал об этом лесе? Что тебе дед рассказывал?

– Немного. Лет сто назад какую-то женщину из крестьян обманули. Она умерла, но перед смертью связала себя с этим местом заклинанием. Не знаю подробностей, Шин, но дедушка говорил, что из-за этой магии лес с тех пор притягивает души женщин, умерших не мирной смертью. Поэтому он и называется лесом Пойманных Душ. Это все, что я знаю.

Я лежал на спине, думая о том, что рассказал Кацу, и вслушивался в звуки леса. Меня терзало глупое желание услышать что-то из ряда вон выходящее, чтобы появился пред-

лог обратиться отсюда побыстрее, но вскоре треск догорающего костра и тихий стрекот цикад увлекли меня в сон.

– Шиноту! Коджи!

Голос Кацу ворвался в мое сознание. Я вскочил, в панике озираясь по сторонам. Мой взгляд остановился на друге, который яростно пинал клетку. Открытую клетку.

– Ох... – вздохнул Коджи за спиной.

– Простите меня, – вопил Кацу. – Я заснул. Не собирался же... Вот черт! Она сбежала, Шин!

Втроем мы одновременно посмотрели в сторону леса. Проклятье! Да как это случилось, она же едва дышала! Наспех покидав вещи в походные мешки, мы бросились к пугающей стене из деревьев. На минуту Коджи отстал, чтобы освободить лошадь от сбруи.

– Беги! Давай! – крикнул он на ходу, догоняя нас.

Войдя в лес, мы словно перепрыгнули черту, отделяющую нас от прежнего мира, и, оказавшись в крошечной темноте, застыли. Здесь было тихо и спокойно. Именно таким мне и представлялся загробный мир. Я всматривался в мертвую черноту и, к своему ужасу, не без странного удовольствия ощутил на коже эту опасную прохладу, коей было пропитано здесь все: ветхая земля под ногами, темные стволы исполинских деревьев, листья, покоящиеся на ветвях. Ни шороха, ни звука.

Мы медленно двинулись вперед. Сначала тишина не внушала опасений, но чем дальше мы удалялись от границы и

по мере того, как блеклый звездный свет уходил из поля зрения, тем сильнее нас одолевала тревога. Я чувствовал, как менялось настроение моих спутников, видел, какими нервными становятся движения Кацу, затылком ощущал возросшую настороженность Коджи.

Сколько прошло времени – не знаю, но в какой-то момент, когда деревья расступились и тропинка расширилась, Коджи тихо охнул и остановился.

– Что?

– Не знаю... – Оглядевшись по сторонам, мой племянник присел на корточки, вытянул ногу и, задрав штанину, оголил лодыжку и внимательно осмотрел. – Как будто что-то коснулось...

Я машинально взглянул на Кацу и успел лишь заметить озадаченность на его лице, как тут же отскочил в сторону: мне в голову что-то врезалось.

Мы встали спинами друг к другу и схватились за оружие. Я натянул тетиву, яростно выискивая наконецником невидимую цель. Кацу вытащил свои ножи и принял боевую стойку, выставив кулак, сжимающий рукоять, перед грудью. Коджи обнажил клинок.

Но вокруг все замерло.

Кацу шикнул и кивком предложил двигаться дальше. Мы тихо ступали, напуганные и настороженные, высматривая в темноте опасность. Звонящая тишина давила, обманчивое спокойствие молотом било в виски, и все тело покрылось

вязким, липким потом.

Мы всё шли и шли, и в какой-то момент даже расслабились. Я все еще держал стрелу наготове, но острием вниз, Коджи убрал свой вакидзаси⁹ в ножны, и только Кацу сжимал кинжал на уровне груди, голодным взглядом провожая темноту.

Опасная тишина...

А потом из недр леса вырвался серый поток, похожий на грязное плотное облако, и понесся прямо на меня. Я прицелился, но размытое нечто взвилось вверх в сантиметре от моего лица, скрывшись в густой кроне. И я выстрелил.

– Что это было? Вы видели?

– Ее проделки? – предположил Кацу.

– Вряд ли. Она наверняка уже далеко убежала.

Мы разбрелись в разные стороны. Я держал стрелу наготове, осторожно осматривая ближайшие деревья. Трава вокруг них пожухла, смешалась с грязью, ноги ворошили прогнившие листья.

А потом в воздухе снова сгустились грязные клубни. Они со свистом рассекали кроны, лавируя между стволами. Кацу выпрыгнул из-за деревьев, размахивая клинками. Мелькнуло лезвие меча Коджи. Кто-то из них выругался, взвизгнул. Я взял на прицел один из сгустков, притаившийся в верхушке ближайшего дерева, выстрелил, но промахнулся, и он спикировал на меня. Я потянулся к колчану за новой стрелой,

⁹ Короткий японский меч.

но вдруг что-то врезалось в меня сбоку. Выронив лук, я отпрыгнул и ударился о ствол спиной. Пригнулся, на ощупь ища оружие.

Справа Кацу сдавленно закричал, и черноту леса рассек очередной сгусток. Я увидел друга, распластавшегося на земле. Он вытянул руки перед собой, шаря пальцами в траве в попытках схватить нож, а призрачный сгусток стремительно неся на него.

И вдруг между нами вспыхнуло что-то яркое. Из ниоткуда возникли желтые полосы, разрезавшие темноту, словно звериные когти. Кацу сгруппировался, закрыв голову, и тут же над ним высветилась чья-то рука. Сгусток врезался в запястье, но острые когти растерзали его одним движением, оставив над Кацу лишь стаю угасающих искр.

– Все живы? – Коджи вынырнул из-за деревьев и, врезавшись в меня, тут же отскочил, выставив меч перед собой.

– Стой! – крикнул я, поднимая руки вверх.

Тяжело дыша, Коджи опустил вакидзаси и повернулся к Кацу. Тот приподнялся на локтях и смотрел прямо перед собой широко распахнутыми глазами.

Когтистая рука, так ловко разделавшаяся с неопознанным сгустком, принадлежала женщине. Черт возьми, самой прекрасной женщине, которую мне когда-либо доводилось видеть. Высокая и гибкая, она была в широких белых одеждах – хакама и коротком кимоно, подпоясанном золотой веревкой. Руки от локтей до запястий стягивали светлые шну-

ры. Заостренное лицо с высокими скулами и алыми губами, удивительная форма глаз – изогнутая, вытянутая, манящая, а глаза – яркие, рыжие, с узкими хищными зрачками. Но самым поразительным был меховой золотисто-белый плащ, который словно вырастал из ее плеч. Мех частично покрывал изящные руки. А поверх него струились гладкие, блестящие белые волосы.

Прислонившись плечом к стволу дерева, она вертела в руках кинжал и равнодушно смотрела на нас. Кацу осторожно отполз, и Коджи помог ему подняться.

– Не теряй больше. – Незнакомка бросила оружие владельцу. Несмотря на замешательство, мой друг ловко поймал кинжал и поспешил убрать в ножны.

– Ты... ты кицунэ? – выдохнул Коджи. В его голосе слышались восторженные нотки.

– Не совсем. – Женщина выпрямилась. – Но ты близок к истине.

– Тогда кто ты? И что за твари здесь были? Это демоны? – Я сделал несколько шагов к ней, стараясь говорить ровно, но голос предательски дрожал. Я не понимал, боюсь или смущаюсь, как болван.

– Здесь нет демонов. Разве что я, – ухмыльнулась она.

Я замер, приклеившись взглядом к ее губам. Этот жуткий изгиб, так поразивший меня при первой встрече.

– Рэйкен, – выдохнул я имя. Из моих уст оно звучало как проклятие, но при этом подходило ей.

– Что? Старуха? – протянул Коджи. Или Кацу. Я не разобрал, потому что впился взглядом в ее прекрасное наглое лицо, которое в один миг стало омерзительным.

Я выхватил из рукава офуда, который успел сорвать с клетки, когда мы бежали в лес, быстро проткнул его стрелой и выпустил ее, целясь в полу мехового плаща, но демон под-

прыгнула так высоко, что стрела пролетела под ее босыми ступнями, даже не коснувшись их, и воткнулась в ствол дерева.

– Запечатать меня хочешь этой штукой? – холодно рассмеялась Рэйкен. Вытянув руку назад, она вытащила стрелу из дерева и переломила пополам, талисман сорвала и смяла, а наконечник спрятала в рукаве. – В следующий раз лучше прикрепи себе на зад, проку больше будет. Может, убережешь себя от неожиданных приключений.

Я готов был разразиться руганью, броситься на нее и сражаться до последнего, пусть бы и длилась эта битва всего минуту, но тут Коджи рассмеялся.

– Плевать тебе на офуда, да? – сквозь смех спросил племянник.

Я изумленно застыл. Рэйкен ухмыльнулась и склонила голову набок, словно ее внезапно одолело любопытство.

– Что значит плевать? – не понял я. – На тебя эта штука не действует? Тогда почему ты не сбежала раньше? И зачем вернулась?

– Все лучше, чем сидеть в клетке. – Она пожала плечами. – К тому же мне жутко интересно, зачем ты купил меня. Разыскал же, забрался в такую глушь. Показался демону на глаза. Глупый ты, смелый или просто ничего не знаешь?

Рэйкен шагнула в мою сторону, и белоснежные волосы заскользили по земле.

– Пойдем, маленький хого Шин, найдем место для прива-

ла. И ты наконец расскажешь, что же тебе от меня нужно.

Затем Рэйкен обратилась к остальным:

– Я пойду впереди и, если почувствую, что кто-то из вас тянется к оружию, оторву голову. А если еще раз бросишь в меня эту дрянь, – она небрежно кивнула на смятый офуда на земле, – затолкаю ее тебе в глотку.

Глава 2. Мертвые мико

10

Шин

Рэйкен возглавляла нашу процессию. В темноте таинственного леса ее белые одежды и волосы зловеще освещали путь. Я шел за ней, шаг в шаг, и не мог побороть изумления, вызванного ее преображением: от старого сморщенного существа не осталось и следа. Священник говорил про тьму, в которой могла возродиться ее сила, но я и представить не

¹⁰ Служительницы синтоистских храмов.

мог, что демон, запертый в клетке на двадцать лет, мог так быстро оправиться.

Она была такой легкой, что ее изящные ступни словно едва касались земли. Грациозная стать излучала жизнь и могущество, а демоническая красота беспощадно завлекала в свои сети. Я смотрел на нее, улавливая колыхание мехового плаща, с удивлением понимая, что это и не плащ вовсе, а часть ее тела – таким подвижным он был. Замечал даже легкое движение волос и задерживал дыхание, когда она ненадолго останавливалась, поворачивала голову в сторону и, зашмурившись, принималась.

Но я ни на секунду не забывал, кем была Рэйкен. Она убивала людей. Заманивая в ловушку, хитростью выведывая их слабости, заставляла заключать контракты, уступать свои души демону. Неспроста ее создали такой... совершенной.

Я шел за ней, пресекая попытки Коджи выйти вперед, и живо представлял, как такой же слабохарактерный дурак, как мой племянник, только завидев ее, отдавал всего себя, отрекался от семьи и принципов, лишь бы коснуться ее, быть обласканным взглядом этих жутких, чарующих рыжих глаз.

Что и говорить, я и сам хотел коснуться ее. И в какой-то момент даже...

– Оторву, – рыкнула она.

Я вздрогнул и смущенно спрятал руку в карман хакама.

– Сосредоточься, хого. Этот лес играет твоим разумом, – Рэйкен говорила нараспев. Не было в ее голосе насмешки,

но слова все равно звучали жеманно, как будто она наслаждалась моей неосведомленностью. – Здесь слишком много неотмщенных душ. Ты не видишь их, но они чувствуют тебя и могут играть твоими слабостями.

– Нет у меня слабостей, – огрызнулся я.

Коджи прыснул, и я ткнул его локтем в живот. Предатель!

– Ненависть ко мне и мне подобным – твоя слабость.

Я порывался спросить, как она и подобные ей существа могут использовать мою ненависть против меня же, но прикусил язык. Да, я ненавидел Рэйкен просто за то, что она была демоном. Но мне не хотелось тешить ее самолюбие своим невежеством, и, пожалуй, сейчас впервые за двадцать семь лет жизни я пожалел, что почти ничего не знаю о ее мире.

Мы долго петляли между деревьями. Темнота вокруг сгустилась, но наши глаза уже привыкли, да и светлый силуэт демона впереди значительно облегчал дело. Но мне было беспокойно. Не только от того, что совсем недавно мы попали в передрагу с какими-то душами и что нашим провожатым стало опасное существо. Но и еще по одной причине. Я не мог сосредоточиться. Видел деревья вокруг и осознавал, что нахожусь в таинственном лесу, скрывающем сотни неизведанных опасностей. Помнил, что за мной уверенно следовали Коджи и Кацу. Но голова стала тяжелой, а мысли расплывались. Сквозь картину реальности перед глазами то и дело проступали образы: вспышки света, блики. Мне казалось, что я вижу очертания лиц на стволах деревьев и что

мой слух улавливает тревожные шепоты.

Я порывался завести разговор – о чем угодно, лишь бы отвлечься, – но Рэйкен молчала. Подумав, что ей куда больше известно о правилах игры в этом месте, я тоже решил молчать. Приклеился взглядом к ее сияющим в темноте волосам и запретил себе смотреть по сторонам.

Мешок с пожитками изрядно оттягивал спину, конечно-сти ныли. Вдруг она остановилась.

– Отдохнем здесь.

Я с удивлением обнаружил, что деревья расступились и мы оказались на поляне в обрамлении кустов с лиловыми листьями. Демон стояла в центре, и вокруг нее распространялся светящийся золотистый ореол, выхватывая из темноты соцветия мелких диких ромашек. Без лишних слов мои спутники сбросили поклажу и уселись прямо на землю.

– Спать сегодня нельзя, – обратилась Рэйкен к Кацу, который намеревался улечься на свой мешок. – Вы совсем неподготовленные, смертные.

– А что можно? – с вызовом спросил я. Внезапно мне открылись нерадужные перспективы ближайших дней: плясать под дудку Рэйкен, держать ухо востро и каждую минуту бояться неизвестности.

– Разложите пожитки, разведите костер, поешьте – сделайте все, что вы обычно делаете, – бросила она, задрав голову и с любопытством рассматривая деревья вокруг. – Если успеете – будить не буду. Защищать тоже.

С этими словами она оттолкнулась от земли одной ногой, в стремительном прыжке взлетела на ветку прямо за моей спиной и устроилась на ней, лениво потягиваясь.

Никто из нас не проронил ни слова. Мы с Коджи разложили одеяла. Кацу выудил из мешка лепешки, фрукты, а флягу с водой протянул мне и подбадривающе улыбнулся, но я лишь вяло кивнул в ответ. Коджи с головой нырнул в свой мешок и долго копался в нем, пока не вытащил заветренный кусок пирога с яблоком, который добыл пять дней назад в одной из деревень по пути в храм Инари.

– Он, конечно, не первой свежести, но вкусный, – торжественно объявил племянник.

– Ерунда! – с энтузиазмом откликнулся Кацу. – Жрать хочется – сил нет. Давай...

Но Коджи уже подошел к дереву, на ветке которого устроилась Рэйкен.

– Ты... ты любишь яблоки?

Кацу выругался сквозь зубы. В другой ситуации он бы уже набросился на Коджи и отобрал вожделенную еду. Но сейчас с нами был демон, и мой друг, как и я, и Коджи, не знал, как себя вести.

– Яблоки? – удивленно переспросила Рэйкен, спрыгивая на землю.

– Ага. Это пирог. Ты ведь так и не сказала, чем питаешься.

Коджи вел себя как идиот. Даже в темноте на его щеках был виден румянец, а глаза светились от восторга, словно

глаза влюбленного юноши. Он протягивал ей несчастный кусок черствого пирога, и руки его заметно тряслись – то ли от волнения, то ли от нетерпеливого желания сделать для этого опасного существа что-то приятное. Я подавил улыбку и тут же отругал себя: Коджи – дурак, и как только мы немного отдохнем, я вправлю ему мозги.

– Я не ем человеческую еду, – холодно ответила Рэйкен, шагнув к нему. – Кости. Есть они в твоем мешке?

Коджи отступил, растерянно хлопая глазами. В воздухе повисло напряжение. У меня даже застучало в висках. Кацу потянулся к оружию, но я предупредительно выставил руку. Рэйкен не сводила с бедного Коджи глаз. Потом острые черты ее лица резко смягчились, и она звонко рассмеялась.

– Давай сюда, идиот! – И, не дожидаясь реакции, выхватила из рук кусок.

Все немного расслабились. Кацу развел огонь и установил котелок, чтобы нагреть воду и заварить чай. Я расположился на одеяле рядом с другом, жуя пшеничный хлеб и исподлобья наблюдая за Рэйкен и Коджи.

– Если демон любит яблоки – это хороший знак? – шепнул Кацу.

– Это не значит, что она не любит кое-что другое, – буркнул я.

Тем временем Рэйкен заняла место у подножия ствола, подтянула ноги к груди и принялась обнюхивать кусок пирога, а Коджи сидел напротив и заворуженно пялился на нее.

На ум пришла сцена из далекого прошлого. Анда, покойная мать моих племянников, принесла домой щенка. Мидори налила ему миску молока, и пока тот обнюхивал ее, дети, затаив дыхание, рассматривали его во все глаза. Я ухмыльнулся и засунул в рот остатки хлеба.

– Рэйкен, – донесся тихий голос Коджи, – а можно к тебе прикоснуться?

– Нет, – отрезала она, в последний раз обнюхала пирог и наконец откусила.

– Почему?

– А ты что, всем даешь себя трогать?

– Н-у-у, – смутился Коджи, – я не против, чтобы женщины ко мне прикасались. Если хочешь...

Рэйкен резко подалась вперед, почти уткнувшись носом в его лицо, и поддела пальцем за подбородок. Я моментально вскочил на ноги, но даже шагу ступить не успел. Она выплюнула резкое «нет» и снова откинулась на ствол дерева, возвращаясь к пирогу.

– Коджи, иди сюда, – позвал я.

Племянник разочарованно вздохнул и присоединился к нам, заняв место между мной и Кацу.

– Что на тебя нашло?!

– Прости. – Коджи потупил взгляд и принялся размешивать воду в котелке.

Мы поели в молчании. Кацу разлил чай. На этот раз никто не предложил Рэйкен угоститься. Она сидела под деревом,

скрестив ноги и укрывшись своим меховым плащом, и внимательно наблюдала за нами. Взгляд рыжих глаз изучающе скользил по каждому. Мы с Кацу завели тихую беседу, намеренно игнорируя ее. Коджи насупился. Растянувшись на одеяле и подперев голову рукой, он хмуро смотрел в пустоту перед собой.

Тревога в груди росла, и тишина этого леса давила со всех сторон, сжимая легкие. Предчувствие чего-то нехорошего щекотало темечко. Я не знал, что будет дальше. Еще вчера был уверен во всем, а сейчас совершенно не понимал, как вести себя.

Покончив с чаем, Кацу вытянулся на одеяле. Его веки стали смыкаться, и я потряс друга за плечо. Он вскочил, озираясь по сторонам:

– Слышали?

– Успокойся, это жрицы, – равнодушно протянула Рэйкен.

Все наострили слух. Откуда-то из недр леса доносилось мелодичное пение. Слов было не разобрать, но голоса были такими тонкими, такими пронзительными... Голова стала тяжелой. Кацу медленно поднялся на ноги и уставился в темноту. Волевой подбородок подрагивал, хвосты чешуйчатой повязки шевелились от призрачного дыхания. Он весь напрягся и уже выставил вперед ногу, но Коджи резко схватил его за руку и потянул вниз.

– Жрицы вас не тронут, пока вы не будете обращать на них внимание, – на этот раз голос демона звучал сурово.

Кацу удивленно моргнул и посмотрел на меня.

– Она сказала... сказала, что я могу принять участие в бою. Могу помочь, потому что больше никому.

– Хватит юлить, Рэйкен, – недовольно произнес я. – Давай выкладывай, что это такое. И что нам с тобой делать дальше.

– Вам со мной? – ухмыльнулась она, поднимаясь. Белоснежные волосы вспорхнули следом, осветив ствол дерева, на которое она опиралась. – Ох, маленький хого, ты оказался заложником собственного плана.

Рэйкен проплыла в сторону Кацу и внезапно обняла его за плечи, легко, одной рукой прижала к себе и... запела, касаясь губами его уха. Слова звучали тихо, как перезвон колокольчиков в деревне, которая осталась далеко позади.

Я ошарашенно уставился на них. Ее волосы танцевали у нее в ногах, словно были живыми, а лицо Кацу, мгновение назад переполненное тревогой, сейчас выражало безмятежность.

Наконец Рэйкен отпустила его и повернулась к нам. А Кацу растерянно хлопал глазами и растирал ладонью ухо. Меня охватило волнение. Я не хотел, чтобы она подходила ко мне близко. И чувство это было таким сильным, что я с трудом мог устоять на месте – лучше уж убежать или взяться за стрелы. Но Кацу кивнул мне, давая понять, что все хорошо.

Рэйкен подошла. Ни один мускул не дрогнул на ее лице, но в рыжих глазах застыл вопрос. Она спрашивала разрешения!

Я колебался. Теперь она стояла совсем близко – можно было протянуть руку и зарыться пальцами в искрящийся мех ее плаща. Внезапно я понял, что больше не слышу манящего пения жриц – только смотрю на нее и растворяюсь в мистическом облике белых одежд.

– Давай, – выдохнул я.

– Но не смей трогать меня, – предупредила Рэйкен.

Ее ладонь была холодной и мягкой. От прикосновения шею пронзили тысячи мелких осколков и рассыпались по всему телу. Меня словно вырвало из гипнотического сна. А потом горячее дыхание коснулось уха, и я снова провалился в необыкновенную дрему, ведомый лишь голосом, который наполнил меня изнутри.

Стан твоей подружки манит. Речи ее сладки и безбрежны.

Ты желаешь стать ее защитником, спасти от смерти лесной.

Слушай мой голос. Слушай меня. Я страшнее, я опаснее.

Вспоминай мой голос, Шиноту, а иначе сгинеешь навек.

– Ты опаснее, – прошептал я, не осознавая, что Рэйкен уже давно молчит. Она все еще держала мою голову прижатой к своей щеке. И я впервые уловил ее запах – резкий, приторно-сладкий, от которого слезились глаза. А потом, сам не ведая, что творю, схватил ее за горло и сжал изо всех сил.

Лес исчез, а с ним – мои друзья. Мы остались на поляне вдвоем, залитые блеском ее белых одежд, утопая в желтых цветах. Я душил ее, а она просто смотрела на меня. Без

гнева, не предпринимая попыток вырваться или защититься. Ногти на моих пальцах удлиннились и проткнули ей кожу. Я увидел кровь и удивился: подумать не мог, что под кожей у демонов тоже кровь – такая же красная, с металлическим запахом.

– Не борись со мной, Шиноту. Слушай мой голос. – Слова Рэйкен зазвучали вокруг нас, обволакивая пронзительным эхом. – Я нужна Мидори.

Имя прозвучало так тихо, что я даже не сразу осознал его. Растерялся и почувствовал, как напряжение постепенно уходит из пальцев. В следующий миг я очнулся, все еще прижатый к Рэйкен, с ее холодной ладонью на шее.

– Что случилось? – донесся взволнованный голос Кацу. – Почему так долго?

– Мидори? – удивленно шепнула Рэйкен мне в ухо, а потом отступила.

Коджи и Кацу выжидающе смотрели на нас, а я задумчиво растирал пальцы, пытаюсь очиститься от невидимой крови. Что это было? Видение, которое наслала Рэйкен? Но откуда она узнала о Мидори?

– Теперь моя очередь? – нетерпеливо спросил Коджи, вставая между нами.

Коджи

Вопрос Кацу поставил меня в тупик. Неужели он не ви-

дел? Дядя душил Рэйкен, на его пальцах выросли когти! Я взглянул на друга и по выражению его лица понял, что тот действительно ничего не видел. Но тогда получается, что этого не было? Может, это один из миражей, которые видели Кацу и Шиноту с той минуты, как ступили на землю леса Пойманных Душ?

Нужно было сразу сказать дяде, что магия не коснулась меня. Расспросить их подробнее. Я знал, что они попали под власть леса. На их лицах поселились тени. Шиноту – всегда серьезный и решительный, с привычной хмурой складкой на лбу, – теперь его щеки неустанно дергались, а на висках от напряжения вздулись вены. А Кацу, воспитанный на дедовских военных байках и не боявшийся ничего, сейчас втягивал голову в плечи и избегал смотреть на деревья.

Но я ничего подобного не чувствовал, и мне было досадно. Как будто лес совершенно не замечал меня. Почему? Из нас троих я единственный, кто искал магию, единственный, кто жаждал встречи с потусторонними существами! Как несправедливо... Если дядя Шиноту прав и Мидори не покончила с собой, то я ей завидую. Значит, ее забрал кто-то из них – из подобных Рэйкен. Или она сама ушла. Но я, конечно же, никогда не скажу об этом дяде.

Я восторженно смотрел на Рэйкен и чуть ли не приплясывал на месте от нетерпения, но она все не оставляла дядю. Ее прекрасное заостренное личико оставалось холодным, но в удивительных рыжих глазах мелькали тревожные огоньки.

Руку готов дать на отсечение, что Шиноту не заметил этого. Для него это великолепное создание было лишь демоном, кровожадным существом, забравшим его любимую Мидори.

Наконец Рэйкен отпустила дядю и направилась ко мне. Я даже дышать перестал. Чувствовал, как с каждым ее шагом поднимался ветер. Он оседал на моих плечах, лениво кружил, играя с краями одежд, трепал волосы. Я пытался поймать ее взгляд, но Рэйкен смотрела куда-то в сторону. Она положила ладонь мне на шею и притянула к себе – так же, как делала с другими.

Мне стало тепло и уютно.

– Тебе не нужен мой заговор, ты же не слышишь зова жриц, – зашептала она. – Ты вообще ничего не чувствуешь – ни душ, ни колдовства тьмы. Ты не человек. Ты давно подзревал об этом, но не ведал, у кого спросить.

По спине прокатилась волна холода. Я крепко зажмурился, лишь бы другие не заметили ужаса в моих глазах.

– Ты не открылся хого, потому что боишься, что он возненавидит тебя. Потому что ты такой же, как я.

Я вцепился в ее плечи, покрытые меховым плащом, и тут же отдернул руки: меня словно молнией ударило. Рэйкен с глухим рыком отскочила и вlepила мне пощечину. Удар был такой силы, что я отлетел назад и уперся спиной в дерево.

Шиноту успел воспользоваться ее замешательством. Он выхватил стрелу из колчана и ткнул острием ей в шею, но Рэйкен и бровью не повела. Дядя тяжело дышал, грудь

резко вздымалась. Он сверлил ее гневным взглядом, крепко стиснув зубы. А Рэйкен злобно смотрела на меня.

И тут произошло еще кое-что. По-прежнему не обращая внимания на Шиноту с его стрелой, она дернула в сторону свой меховой плащ, и тот растворился в темноте. А сама она начала стремительно меняться. Белые одежды темнели на глазах, пока снова не стали грязного синего цвета, под стать тому тряпью, в котором мы нашли ее в храме Инари. Белоснежные волосы вобрали свечение и окрасились в пшеничные оттенки. Теперь перед нами был истинный облик Рэйкен – необыкновенно красивой, но такой очеловеченной. Только глаза остались прежними – рыжими, с лисьим разрезом.

Рэйкен поднесла палец к острию стрелы и спокойно отвела ее в сторону.

– У подножия леса, с южной стороны, раньше жили люди. Россыпь деревень, и каждую охраняла своя жрица.

Рэйкен развязала веревку, подпоясывающую кимоно, и небрежно взмахнула рукой: невесть откуда взявшийся ветер подхватил ее волосы и закрутил в жгут. Она завязала их и ловко забралась на ветку дерева. Забыв об обожженной ударом щеке, я сел на одеяло. Шиноту бросил на меня тревожный взгляд, но я коротко покачал головой и даже улыбнулся. Облегчение от того, что она решила сохранить мой секрет, быстро сменилось любопытством. Дядя тоже расслабился, убрал стрелу в колчан, но садиться не стал: он присло-

нился к дереву рядом с Рэйкен и скрестил могучие руки на груди, всем своим видом давая понять, что держит ухо востро и демон в своем новом обличье по-прежнему не внушает ему доверия.

– Деревня на юге? – переспросил Кацу. – Моя мать была жрицей из тех краев. Селение на берегу Янтарного озера.

– О-о-о, вот так совпадение. Когда-то я тоже там жила, – озадаченно протянула она. – Тогда вспоминай почаще мой заговор. А ты, – Рэйкен кивнула мне, – следи за ним и не давай уходить далеко.

– Ты сама доброта, – хмыкнул Шиноту.

– Отнюдь. У меня личные счеты.

– Спасибо за откровенность, демон.

– Ёкай, маленький хого. Демон с человеческим обличьем – это ёкай.

– Глубоко плевать, – фыркнул Шиноту.

Я закатил глаза.

Рэйкен проигнорировала его выпад и со скучающим видом обратилась к Кацу:

– Так что там твоя мать – она умерла? Как?

– Не знаю. Дедушка забрал меня и бежал из деревни, когда я был совсем маленьким. – Кацу задумчиво шевелил палкой золу под котелком. – Он говорил, что на деревню напали и ему удалось спасти только меня. Ты думаешь, душа моей матери здесь, в этом лесу?

На мгновение на лице Рэйкен отразилось удивление, слов-

но она не поверила услышанному. Шиноту с опаской покоился на Кацу.

– Ее звали Кена. Та мико, с которой все началось, – тихо сказала Рэйкен. – Она тяжело заболела, и ее мать заключила контракт – продала свою душу в обмен на здоровье дочери.

– Тебе продала? – фыркнул Шиноту.

Боги, дядя! Я с упреком посмотрел на него.

– Да, мне, – просто ответила Рэйкен. – Хочешь знать, как это было?

– Нет уж, оставь себе.

В ответ Рэйкен лишь криво ухмыльнулась.

– Когда Кена узнала об этом, она лишила себя жизни. В этом лесу. Только не учла глупая мико, что ее покойная мать пожелала долголетия души своей дочери. Так лес ее и поймал. А дальше... Душа Кены годами впитывала в себя темноту этого леса и так ослабла и обозлилась, что начала искать соратников. Не знаю подробностей, но, говорят, лес наводнили мононоке – души людей, умиравших здесь или поблизости.

Я немного читал о мононоке – призраках людей, чьи души по тем или иным причинам не упокоились, а остались в мире смертных мстить, убивать и сеять зло.

– Значит, моя мать могла стать мононоке... – протянул Кацу.

Я сочувственно взглянул на него. Когда Кацу появился в поместье Сугаши, он сказал, что война отняла у него семью.

Остался лишь дед, священник, который защищал деревню от вторжения демонов и многому научил внука. Для меня, с детства ведомого необъяснимой тягой к потусторонним силам, появление Кацу было чудом. Я ходил за ним по пятам, ночевал под дверью его спальни, всячески угождал ему, готовя завтраки и заваривая чай, но Кацу был глух и слеп.

– Мой дед был служителем храма, – зачем-то сказал он. – Я родился за несколько лет до окончания войны и изгнания демонов. Мы бежали на восток, на равнину, и поселились в деревне среди рисовых полей. Там было безопасно – демоны будто отчего-то ходили мимо. Когда мне исполнилось десять, дедушка повстречал хого Такимару Сугаши, и мы больше никогда не говорили о случившемся.

– Такимару – это мой отец, – пояснил я Рэйкен.

– Такимару, – эхом откликнулась она, выпрямилась на ветке и как-то странно взглянула на Шиноту. Будто впервые увидела его.

– Что ты на меня уставилась? – Дядя нахмурился. Он всегда хмурился, когда пытался скрыть неловкость.

Я заерзал на месте, раздраженный: что между ними происходит?

– Твой дед остался в деревне, вблизи которой жил Такимару Сугаши, не потому, что ту местность очистили от демонов, а потому, что Такимару Сугаши был очень сильным хого и своей аурой мог защитить сразу многих.

– А ты откуда знаешь? – спросил Шиноту.

– Все, кто знает про хого, знают, что Сугаши – самые сильные. – Рэйкен подняла голову и задумчиво уставилась в темную листву.

– А Такимару ты знала? – не унимался Шиноту.

Но Рэйкен уже погрузилась в свои мысли. Мне безумно захотелось в них проникнуть. Она сразу поняла, кто я, увидела то, над чем я бился большую часть своей жизни. Может быть, именно в этом таилась моя одержимость ею и подобными существами? Может, я просто хотел понять, кто же я на самом деле?

Шин

Такимару Сугаши, отец Мидори и Коджи, был моим кровным братом. Он исчез, когда мне было семь. Растворился, словно его никогда и не было. Но я был уверен, что он погиб. Потому что Такимару, которого я знал, никогда бы не оставил меня одного, не сказав ни слова.

Брат был гораздо старше меня – на двадцать лет – и заметил мне отца. Его забрали так рано – он не успел поведать о мистической силе хого, о том, как мне с ней жить и как защитить своих племянников.

Когда Рэйкен посмотрела на меня – пронзительно и с толикой узнавания, – я сразу заподозрил, что она могла знать Такимару. Мы были очень похожи: те же каштановые локи по пояс, упрямый взгляд карих глаз, квадратные лица с ост-

рыми скулами и волевыми подбородками. Одного телосложения – высокие и крепкие. Только Такимару был первоклассным бойцом и двигался ловко и уверенно, а моя поступь была неуклюжей.

Но что, если мне показалось? Рэйкен – единственный демон в моей жизни, но не в мире. И все же было легче думать, что она может быть причастна к бедам моей семьи. Я не верил в такие совпадения, но больше винить было некого.

Блондинка в поношенной синей одежде, в которую она так внезапно превратилась, надолго ушла в свои мысли, и вопреки нашей цели у меня не было желания ее торопить. Этот день длился бесконечно долго. Я не знал, сколько времени мы провели в лесу, не знал, наступило ли утро, или, может быть, снова ночь. Темнота вокруг была непоколебимой, свет от костра тускнел, и желтые цветы под ногами поблекли.

Мы все очень устали. Кацу подпирал дерево, задумчиво всматриваясь в пустоту. Я заметил, как мой друг несколько раз вздрагивал и озибался по сторонам. Наверное, прислушивался к голосам. То, что мы узнали о его матери, было ужасным. Если ее душа действительно застряла в этом лесу и представляла для него опасность, сколько времени ему понадобится, прежде чем броситься ее искать?

Помню, как мы с ним впервые встретились. Это случилось за несколько недель до исчезновения Такимару. Кацу был старше меня почти на четыре года и выглядел совсем взрослым. Он пробрался к нам в поместье и сражался на но-

жах с невидимым соперником. Меня поразил его суровый взгляд и воинственность, с которой он размахивал оружием. Я тогда испугался и, натянув косынку на голову, затаился за деревьями, но в какой-то момент не выдержал и спросил его, зачем он сражается. «Чтобы однажды найти тварь, убившую мою маму!»

Когда исчез Такимару, дружба с Кацу стала для меня спасением. Его ненависть к демонам подпитывала мою собственную. Мы чертили на земле иероглифы, воображая, что это заклинания, которые навеки скрепят нашу дружбу, и обещали всегда помогать друг другу. Если он когда-нибудь узнает, кто виновен в смерти его матери, я отправлюсь мстить вместе с ним.

Правда, со временем наш запал поутих. Кацу все реже говорил о своих планах и все чаще гулял с крестьянскими девочками, а я втайне радовался, что больше не слышу о демонах.

Но сейчас, глядя на своего друга, я впервые задумался о том, что он мог никогда не оставлять мыслей о мести. Да, дедушка хорошо натаскал его. Кацу должен понимать, что если его мать стала мононоке, то больше она ему и не мать вовсе. Она лишь злобный дух, демон, и вряд ли сможет рассказать о том, кто ее убил. Да и какое это теперь имеет значение, ведь столько лет прошло!..

Но тут же я подумал о другом: а если бы моя мать, или Такимару, или Мидори... Если бы их души оказались здесь,

что бы я сделал? Уже бежал бы на их поиски, чего уж врать. Коджи сидел на одеяле и затуманенным взором смотрел в огонь, изредка бросая в нашу с Рэйкен сторону хмурые взгляды. Я дивился переменам в его внешности. Когда мы отправились на поиски демона, он смотрел воинственно, заражал нас энтузиазмом. Коджи был младше меня на семь лет, ростом чуть ниже, скромнее комплекцией. Но когда мы приближались к храму, он вырвался вперед, шагал уверенно, размашисто, твердо сжимая рукоять вакидзаси, и я видел в нем взрослого, настоящего воина. А сейчас... Он выглядел потерянным – таким, каким был два года назад, когда у нас забрали Мидори.

– Расскажи мне о ней, – раздался голос Рэйкен, протяжный и обволакивающий.

Я распахнул глаза, с ужасом осознав, что опустился на землю и готов был задремать. Она соскользнула с ветки и присела напротив меня. Задумчивость покинула ее лицо, и рыжие глаза вновь горели любопытством.

– Не считаешь же ты, что мы останемся в этом лесу навек? – хмыкнула она в ответ на мое замешательство. – Мне бы хотелось понять, куда идти. Здесь много сторон. Так что давай, говори, что тебе нужно от меня. И кто она, эта Мидори?

Я машинально взглянул на Коджи: племянник в упор смотрел на меня, сжав губы.

– Сестра Коджи, моя племянница. Два года назад она пропала, и я хочу знать почему.

Реакция Рэйкен была непредсказуемой: она вытаращилась на меня, губы затряслись и вдруг раскрылись от тихого смеха.

– Ты издеваешься? – рявкнул я.

– Прости-прости, – сквозь смех выдавила она и выдохнула с показным облегчением. – Я не смеюсь над твоим горем. Просто... я не ищу пропавших людей.

– А она и не пропала вовсе! – воскликнул Коджи, да так громко, что даже задумчивый Кацу подскочил. – Мидори покончила с собой! Да, Шиноту, она покончила с собой! А ты никак не можешь это принять! – Племянник уставился на Рэйкен. – Он хочет, чтобы ты провела нас в Ёми. Мы должны найти Мидори и узнать, почему она это сделала.

– Провести вас в мир мертвых? – Губы Рэйкен снова дрогнули, но на этот раз она сдержала смех. – А с чего вы взяли, что я знаю туда дорогу?

– Но ты же демон!

– Но я не мертвая, как ты мог заметить. Вот пришли бы лет через десять, когда мое тело окончательно бы высохло, тогда и поговорили.

– Ты – Странница. Разве нет? – спросил я и удивился сомнению в своем голосе. А если я ошибался? Когда вина за случившееся с Мидори окончательно раздавила меня, дедушка Кацу рассказал мне о Страннице – редком существе, которое способно проходить в другие миры и касаться человеческих душ. И я два года искал ее. Два года, черт возьми!

– Страница. Но я не водила души в ад. Я лишь заключала контракты.

– Но куда они попадали – те, кто продал свои души? Разве не в Ёми?

– Понятия не имею. – Рэйкен откинула прядь волос с лица и облизала губы. Казалось бы, простой жест... Я стиснул зубы: почему она, демон, выглядит и ведет себя как обычная женщина! – В Ёми, куда-то еще, а их тела... В общем, я не водила никого в мир мертвых.

– Что их тела? – тихо спросил Кацу.

– Когда человек лишается души, его тело становится желанной будкой для демонов.

– Ты, видимо, отхватила самую желанную, – хмыкнул я.

– Мне льстит, что ты так оцениваешь мою внешность, тем более что это тело мое. Истинное от рождения.

К щекам прилила краска, и я мысленно выругался.

– Но... но ты же демон, – сказал Кацу.

– Кицунэ, лисий демон, – подхватил Коджи.

– Я – ханъё, полукровка: мой отец – кицунэ, а мать – смертная.

Рэйкен сказала это так, словно вынесла себе приговор. Было похоже, что такая наследственность неприятна ей. Но какая мне, в конце концов, разница, что ей приятно, а что нет? По крайней мере, теперь понятно, откуда в ней столько... человеческого.

– Но разве кицунэ заключают контракты? – осторожно

спросил Коджи.

– Если очень хочется, – отрезала Рэйкен. – С чего ты взял, что твоя сестра покончила с собой? А ты, – она повернулась ко мне, – с чего ты взял, что она горит желанием видиться с вами, раз уж сама приняла решение проститься с жизнью?

– Не сама! Она не могла. Ее жизнь была прекрасной.

– А-а-а. – Рэйкен криво улыбнулась, сверкая своими жуткими рыжими глазами. – Любовь. Не можешь смириться, что женщина, которую ты любил, оставила тебя? – Она наклонилась ко мне совсем близко. – Но так бывает, маленький хого. Людям свойственно принимать глупые решения.

– То есть все контракты, которые ты заключила, – это глупые решения тех бедняг? – Я тоже подался вперед, да так резко, что едва не ткнулся носом в ее нос. – Хочешь сказать, что не ты убедила их продаться демонам? Не ты окучивала их, выпрашивала секреты, обманом заключала сделки?

– Ты глупец, хого Шин. Ни один человек не согласится продать свою душу, если цена, которую я за нее предлагаю, для него не стоит того. Когда-нибудь ты это поймешь.

Мне ужасно захотелось сделать что-то плохое, как-то навредить ей, лишь бы сбить эту самоуверенность с ее лица... Но Коджи отвлек меня.

– А место, куда они попадают... Что, если моя сестра тоже заключила контракт? Помоги, Рэйкен, молю! Ты же можешь узнать, ты видишь других демонов... Мы искали кого-то из вас два года, и за это время вышли только на твой след. Кто,

если не ты? Кто узнает, где Мидори? Ведь где-то же ее душа должна быть!

– Еще недавно ты говорил, что она покончила с собой, – холодно заметила Рэйкен, откидываясь на дерево и всем своим видом давая понять, что теряет интерес к беседе.

– Я не знаю... – сдался Коджи, обреченно вздыхая. – Просто чувствую, что даже если она покончила с собой, то не сама, ее вынудили. Мы же близнецы.

Рэйкен поднялась, расправила одежду и, тряхнув длинными волосами, равнодушно посмотрела на нас.

– Мне нужно подумать.

Она запрыгнула на ветку дерева, которое облюбовала с первой минуты на поляне, затем забралась выше, и еще, и еще, пока темная листва не поглотила ее силуэт целиком. А я растерянно смотрел ввысь, боясь упустить из виду кончики блестящих пшеничных волос. Все летело к черту.

Глава 3. Преследователь

Рэйкен

Я родилась босой и предпочла босой и остаться. Мне нравилось чувствовать под ногами влажную землю, ощущать царапины от ветвей. Нравилось знать, что хоть что-то на моем теле было свободным, не нуждающимся в защите.

Я прыгала по ветвям деревьев, и листья хлестали меня по щекам, кололи руки, но я не могла остановиться. Ощущение свободы – могучее, всепоглощающее – манило меня. Другого, этот угрюмый мужчина по имени Кацу, так хотел найти

свою мать и узнать, кто убил ее, что пошел на обман: освободил меня, да еще и с условием бежать в лес, но мне это было только на руку. Я хотела лишь одного – оказаться подальше от людей, от полудохлых демонических отродий, хотя бы на несколько минут забыть о двадцати годах, проведенных в заточении, и позволить себе вообразить, что моя прежняя жизнь навсегда исчезла, а впереди – чистое, не обремененное обещаниями будущее.

Могли ли боги наконец обратить на меня внимание и подарить второй шанс?

Эта мысль отрезвила меня. Я остановилась, вцепившись в ветку прямо над головой. *Он* нарек меня Рэйкен, и Рэйкен я скоро умру.

При рождении мне дали имя Рэй Кеноки. Мама говорила, что я родилась по воле солнца и, чтобы я никогда не забывала об этом, боги наградили меня золотыми волосами. Когда-то она любила меня. Когда-то она гордилась тем, что родила дочь от лисьего демона.

Я была сокровищем. Пока тьма не позвала меня.

Сев на ветку и подтянув колени к подбородку, я задумчиво всматривалась в пустоту под собой. Мой отец сражался на стороне людей и самоотверженно защищал наше родное селение. Я помню, как каталась на его спине, а он, белоснежный, треххвостый, настоящий демон-лис, несся по полям, и я раскидывала руки в стороны, пытаюсь пальцами ухватиться за колосья.

А потом он погиб. И за мной явилась тьма.

– Ах, Рэйкен...

Язвительный шепот затаился в листьях дерева. Я резко подскочила и присела на корточки, высматривая источник шума.

– Лисица Рэйкен, ты вернулась. Мы ждали тебя. Та-ак ждали...

Я глубоко вздохнула и, не дожидаясь, пока говорящий покажет себя, начала быстро спускаться. Как далеко я ушла? Глупая. Нужно срочно вернуться к хого. Теперь я зависима от него. Без его защиты меня быстро обнаружат.

До шести лет я росла обычной девчонкой. От отца мне достались только рыжие глаза да светлые волосы. Ни ушей, ни хвоста, ни способности чувствовать ауру демонов... Мама была уверена, что я родилась человеком, хотя такое было невозможно. Спустя два года после его гибели она вышла замуж за смертного и родила сына, моего братишку Касси. Отчим умер от горячки, но я никогда не забуду его, потому что он оставил после себя чудесного мальчика.

Я всем сердцем любила Касси. Он был черноволосым, как

мама, со светлыми карими глазами и очень любопытным. Когда брат научился ходить, я брала его с собой в поле играть с другими детьми, катала на спине, как когда-то катал меня отец, и защищала перед задирами.

А потом мне исполнилось шесть. Не знаю, что изменилось. Я никогда не выходила одна из хижины после заката. А тут вышла и как загипнотизированная побрела в сторону дороги. По ней обычно к нам в селение попадали путники или воины, просившие крова и пищи. Мама не разрешала выходить на дорогу: я хоть и была высокой, но все равно легко могла попасть под копыта лошадей.

Помню, как шла и в голове у меня не было ни одной мысли. Только перезвон колокольчиков – сначала слабый, едва уловимый. Но чем ближе я подходила к дороге, тем звучнее он становился. В какой-то момент в пустоте замаячил блик. Я протянула руку, чтобы схватить его, отчего-то решив, что он имеет телесную оболочку. Вот тогда все и случилось. Моя рука скользнула в темноту. Как будто передо мной находилась невидимая завеса и я пробила ее своими пальцами. На той стороне, где оказалась моя рука, было прохладно и ветрено, а еще я нащупала нечто мягкое, словно дотронулась до чьей-то щеки.

Испугавшись, я отдернула руку. Я хотела было бежать обратно к хижине, но вдруг из того самого места, где маячил блик, показалось существо. Ростом с меня, с короткими взъерошенными волосами болотного оттенка и хитрыми

красными глазками. Оно скалило тонкие, острые зубы и, наверное, выглядело опасным, но я остановилась и с любопытством уставилась на него.

Они. Демоненок из ада. Вот кем было это существо.

До того момента я никогда не задумывалась, что демоны тоже бывают разные. Я знала только отца-ёкая – совершенное создание, с красивым человеческим лицом и абсолютно нормальным телом. Да, у него был хвост и лисьи уши, а еще от матери я знала, что отец мог принимать свой истинный облик – облик огромного белого лиса. И я думала, что все демоны такие... что они мало чем отличаются от людей и живут с ними на равных.

Но в ту ночь я узнала другое.

Мерзкие, рогатые и зубастые, с цветной кожей и зловонными пастями, чуждые всего человеческого, с приземленным мышлением, ведомые лишь жадой крови, чтобы утолить свой нескончаемый голод. И я отчего-то увидела их.

Тот демоненок лишь скалился, заискивающе цокая мерзким розовым языком, пока мне не надоело и я просто не ушла.

Мне стоило рассказать о случившемся маме, стоило расспросить ее о демонах, но вот что странно: я не восприняла увиденное как что-то из ряда вон выходящее. Жуткий лик не испугал меня, не заставил задуматься о других тайнах этого мира. Все показалось мне обычным, словно так и должно было быть. Словно я знала, что рано или поздно увижу тем-

ную сторону.

Лавируя между деревьями, я бежала обратно, к хого и его спутникам. Голоса потеряли четкость, слились в неразборчивый свистящий звук, от которого было легко отмахнуться. К тому же совсем скоро я уловила человеческий запах. Мне хотелось одного: успеть коснуться хого до того момента, как эти мерзкие твари вернутся к себе и разнесут молву о том, что я воскресла.

Если он узнает об этом, мне не жить.

Но я не успела. Когда впереди замаячили змеевидные волосы хого, мой слух полоснул голос, который я боялась и... жаждала услышать.

– Рэй, девочка моя. Я так долго искал тебя.

Шин

Она прыгнула мне на спину, обхватила бедра ногами, холодной ладонью намертво зажала рот, а второй рукой поддела подбородок. В шею уперлось острие.

– Молчи, пожалуйста, только молчи, – шепнула она.

Горячее дыхание разлилось вокруг приторным сладким ароматом.

– Рэй, милая, Рэй...

Этот голос был мне незнаком. Низкий, мужской, заискивающий. Он струился из темноты, со всех сторон сразу, словно его обладатель молниеносно перемещался за деревьями

вокруг нас.

Сердце пустилось в пляс. Хватка Рэйкен была чудовищной. Я не мог даже пошевелиться, но вызванный ее внезапным нападением страх быстро улетучился. Она прижималась ко мне слишком сильно, и я телом уловил ее напряжение и судорожную дрожь. Это Рэйкен боялась!

– Сокровище мое, – зазывал голос, – выходи-выходи. Дай снова увидеть тебя.

Ладонь Рэйкен, зажимающая мне рот, затряслась, и я, сам не понимая почему, прикусил фалангу ее пальца. Она едва ощутимо вздрогнула и снова застыла.

Мне стало зябко. От слов незнакомца сквозило холодом, по позвоночнику пронесли мурашки. Я даже не пытался пошевелиться, внезапно осознав, что от Рэйкен исходит куда меньше опасности, чем от этого существа.

А потом я увидел его – размытый, прозрачный дух, плывущий между деревьями. Высокий и статный, с развевающимися темными волосами, в струящейся светлой накидке с широкими рукавами, из-под которых выглядывали белоснежные кисти рук с длинными изящными пальцами. Он двигался в нашу сторону, но взгляд бездонных глаз блуждал по сторонам.

Почему-то он не видел нас.

Когда призрачное существо остановилось совсем близко, Рэйкен уткнулась носом мне в ухо, а я снова прикусил ее палец и инстинктивно зажмурился. Мне отчего-то казалось,

что не стоит смотреть в глаза призраку.

– Ты слышишь меня, Рэй, я это знаю. Почему ты так жестока? Ты больше не любишь меня?

Пронзительный холод щипал руки и щеки. От напряжения тело ныло. В груди защемило от нехватки кислорода. Я вдруг испугался, что еще чуть-чуть – и он увидит нас. Мне хотелось вздохнуть, а еще лучше – выругаться во весь голос, но я лишь сильнее прикусил палец Рэйкен.

И тут все закончилось. Теплый ветерок коснулся шеи. Я снова почувствовал приторный аромат, исходивший от бесцеремонно висевшего у меня на спине демона. Открыв глаза, я не увидел ничего необычного – только непроглядную темноту безмолвных деревьев и слабый огонек костра, который поддерживали мои друзья на поляне.

Глубоко вздохнув, я повел плечами, и она наконец отпустила меня, бесшумно прыгнув на землю. Острием, которое упиралось в шею, оказалась моя же стрела. Я хотел наброситься на нее с вопросами, но Рэйкен выставила руку и, даже не глядя в мою сторону, на согнутых ногах закружила вокруг меня, приносясь.

– Все расскажу, но нам надо уйти, – шепнула она. – Какого черта ты оставил их?

– По нужде, – буркнул я и получил в награду короткий упрекающий взгляд.

– Пойдем, – Рэйкен заткнула стрелу за пояс и вцепилась в мое запястье. – Не смотри так, мне придется держаться за

тебя.

– Раньше не держалась.

– Ты – защитник, хого. Лишь одно твое присутствие способно скрыть от ненужных глаз любого.

– Прямо-таки любого?

– Того, кого ты считаешь нужным скрыть. Боюсь, что в данный момент твое великодушие на меня не распространяется.

Я громко фыркнул, и Рэйкен холодно взглянула на меня. А потом яркая вспышка ослепила нас. Сквозь деревья, объятые темнотой, стремительно прорывался солнечный свет. Очертания леса растворялись в яркой зелени, а густые кроны поглощало ясное голубое небо. Я и вздохнуть не успел, как вдруг мы уже стояли позади ветхой хижины, среди кустарников дикой малины.

Рэйкен так сильно стиснула мое запястье, что я хотел было вырваться, но она быстро перехватила руку, повернувшись спиной к сцене, которая теперь разворачивалась передо мной.

Женщина в аккуратном платье крестьянки, с блестящими черными волосами, тонкая и хрупкая, выла от горя, зажимая рот обеими ладонями. Я так остро ощутил ее боль, что сам готов был разразиться слезами, но вместо этого выглянул из-за ее спины и увидел девчонку. Она была моложе той, что остервенелось сжимала сейчас мое запястье, на вид лет пятнадцати. С пшеничными волосами по плечи, высо-

кая, босая, в простеньком платье, подпоясанном широкой лентой. Она держала перед собой мальчика – совсем юного, гораздо младше ее, и очень похожего на женщину, которая была с ними.

– Рэй, – голос призрачного незнакомца, лишь минуту назад терзавший нас в темном лесу, снова зазвучал отовсюду, – неужели ты забыла о нем, Рэй?

Краем глаза я увидел, как Рэйкен стиснула зубы и зажмурилась. Девчонка с пшеничными волосами душила мальчика, а тот безмолвно плакал и смотрел на женщину, с которой они были так похожи. Ее сын?..

– Что же ты делаешь, Рэй, – шептала черноволосая женщина сквозь рыдания. – Что же ты наделала...

Глаза мальчика закатились, он обмяк, и девчонка едва успела подхватить его. Она опустилась на колени, прижала мертвое тельце к себе и уткнулась в него головой.

Женщина упала на траву и завывала. Сквозь ее горе прорвался холодный шепот незнакомца, но я не слышал слов. Сцена с задушенным мальчиком, ярким солнцем и зеленой травой быстро растворялась в темноте.

Рэйкен дышала шумно и прерывисто, а внутри меня все разрывалось на части. От горя, которое я каким-то образом разделил с черноволосой женщиной, от ненависти, вспыхнувшей к таинственному призраку и девчонке, которая задушила мальчика.

– Это произошло на самом деле?

– Нет.

– Лжешь! За что ты его убила?

– Тебя это не касается, хого.

– Скажи. – Я с силой развернул ее к себе, схватил за плечи и хорошенько встряхнул. – Ты торчишь с нами уже сутки! Мы свои намерения озвучили, а ты юлишь. Что тебе нужно от нас? Зачем сбежала, а потом вернулась? Зачем осталась? Тебе же от поисков Мидори никакой выгоды!

– Ты боишься меня, хого Шиноту? – спокойно спросила она.

Я замешкался. Перемены в ней поражали: от недавних эмоций не осталось и следа, острое лисье лицо излучало лишь холодное спокойствие.

– Не могу я бояться того, кто сам боится. Нет, Рэйкен, я тебе просто не доверяю.

– Это хорошо. С этим можно работать.

Рэйкен отступила на шаг.

– Смотри, хого, расклад такой. Мы можем заключить сделку...

– Ага, как же, – бросил я.

– Выслушай, идиот, – устало вздохнула она. – Я помогу тебе найти мир, в котором сейчас обитает твоя Мидори, но взамен ты подаришь мне свою защиту.

– Каким образом? В туалет с тобой ходить за ручку?

– Если понадобится, будешь ходить! Демон, который наслал сейчас видение, жаждет мою голову. И без твоей защи-

ты он обнаружит меня раньше, чем я найду эту вашу Мидори. Чувешь, чем пахнет?

Вот гадина. Я не знал, насколько правдивы ее сказки, но видел сам, как она боится этого призрака. Что там между нами произошло – непонятно, да и не слишком хотелось лезть в эти дебри. Но их разборки действительно могли закончиться ее смертью, а у меня других ключей в загробный мир не было.

– Ну давай сюда свой контракт.

– Контракт? Слово мое – контракт. Или тебе так хочется где-нибудь оставить свою подпись?

– Твое слово ничего не стоит. Я тебе не доверяю, сказал же.

– Удивишься, хого, но я тоже не верю таким, как ты. То же мне святоша нашелся. Но попробуем вместе рискнуть? Я даю тебе слово, что найду дорогу в Ёми и разыщу там душу Мидори. А ты пообещай, что до тех пор будешь рядом со мной, будешь защищать меня, не оставишь ни при каких обстоятельствах, только если я сама об этом попрошу.

– Защищать тебя, пока ты не найдешь Мидори? – фыркнул я. – И искать ее ты будешь до моей старости?

– Зачем? – Казалось, удивление на ее лице было искренним. – Думаешь, мне нравится проводить время в твоей компании?

Она рассмеялась, упиваясь моей растерянностью.

– Обещай, глупый хого.

– Обещаю, – процедил я сквозь зубы.

– А теперь поцелуй меня.

– Что?!

Рэйкен закатила глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.